

Известный в нашей стране скульптор Олег Константинович Комов, один из многих почитателей таланта Валентина Пикуля, однажды обратился ко мне с просьбой познакомиться с писателем, о котором говорят разное, порой субъективно, но большинство сходится на том, что феномен Пикуля — это реальность, от которой никуда не деться. Комов решил сделать карандашный портрет писателя. Причем, как я мог догадаться по намекам, в будущем намеревался лепить и бюст. Понимая, что Пикуль в московскую мастерскую не придет, Комов надеялся, что ему, может быть, удастся сделать один-два наброска.

Встреча могла состояться только в Риге и только по предварительной договоренно-

сти. Несмотря на то, что Валентин Саввич находил время принимать гостей, без рекомендации с человеком сторонним не беседовал. Я позвонила писателю и рассказала о необычайном интересе к нему скульптора. Валентин помолчал некоторое время. Затем произнес: "Ты же знаешь мою творческую жизнь. Одно условие — позировать не буду. Сидишь как истукан и не видишь, какого болевана из тебя лепят. Ты понял?". Я поняла.

Больше всего я боялся, что вот он — Пикуль, совершенно неспособный обманывать умышленно, агать сознательно, встретится с Комовым, у которого натура сдержанная и совсем не "моторная", как у писателя, — и по полярному разоблачению харак-

теров окажется, что говорить им не о чем. К счастью, я ошибся.

Беседа велась непринужденно. Хотя со стороны нетруно заметно; оба художника изучали друг друга. Какое-то время, правда. А потом — слово за слово... Они оба в этом светном мире искали (один в литературе, другой в скульптуре) тайную мудрость направления и стиль, предельную открытость и динамичность — то, что называется почерком художника. Думаю, беседа, они не лукавили друг перед другом, не ходили, подобно староженому кораблю, охраняющему караван, ломаным курсом. Я почти не принимал участия в разговоре, только слушал. Иногда, правда, приходилось вставлять реплики.

Итак, диктофон включен.

под Новгородом? Аракчеев построил такие казармы — дай Бог, укрепления. В сорок первом фашисты били, били, били — не могли разрушить. Но чего граф не любил? Свиной, например, запрещал держать. Говорил: грязь от них. А дома для крестьян, знаете, какие у него были? Члены ЦК там могли спокойно жить — с комфортом. Это не показуха, нет. Чем мужиком Аракчеев не нравился? Не тем, что порол, не тем, что не разрешал свиной заводить, нет. На работу надо было строем ходить. И с песнями. Кому это понравится? Сохранилась большая переписка Аракчеева с Александром Первым — его забавно читать. Аракчеев боготворил государя, он даже часы выписал из какой-то страны, часы с боем и музыкой. А когда Александр скончался, часы стали играть мелодию молитвы "Со святыми упокой..."

Я не поклонник Аракчеева. Вообще у меня нет преклонения ни перед кем. Единственно, кого я уважаю, — это дурака Хрущева. Он хотел чего-то сделать, но не умел, потому что он — сиворылый.

Ну, еще кого я мог уважать? Косыгина? Да, он один их тех правителей, который хоть что-то соображал. Говорят, что он пластинки собирал. Это я тоже

Британской Энциклопедии пипшут: родился тогда-то, делал дела такие-то... У нас, как привомер, адмирал Рожественский — бездарный флотоводец. А затем: родился тогда-то. Ярлык уже повешен. Редакторы в издательствах, когда проверяют меня, первым делом в БСЭ заглядывают. "Ага, — говорят, — сейчас мы Пикуля ушучим. Ты посмотри, подружка, что о Колчаке пишут: монархист, а у Пикуля — выдающаяся личность. До тех пор, пока мы не откроем людям глаза на таких, как Александр Васильевич Колчак и ему подобные, молодежь не сможет знать историю России в полном объеме..."

У нас народ лишен правдивой информации. Никто ничего не знает. За что на меня нападали? Ну, ладно, допустим, брежневское окружение увидело себя в "Нечистой силе", в распутинщине...

О. КОМОВ. А кстати, где Распутина похоронили?

В. ПИКУЛЬ. Его похоронили на месте сожженной дачи Бадмаева — на Поклонной горе. Не на той, что в Москве, а на той, что в Петербурге. Сначала Распутина был погребен императрицей Александрой Федоровной под фундаментом собора, который был заложен в Царском Селе. Она тайком ходила на мо-

минувшего". В тридцать третьем году во время коллективизации по туристической путевке плыл по Волге. Деревни стоят пустые, и никого нет. Коровы заходят в Волгу и орут: подите их! И падают, и тут же умирают. Лебеденко написал письмо Сталину, что, мол, это за коллективизация? Убийство это, товарищ Сталин. И после этого письма его, разумеется, посадили. В этом его счастье, что он, капитан гвардейской артиллерии, сел до 37-го года, выжил... И вышел в пятьдесят втором благополучно. Однажды я прихожу в Лениздат, сидит какой-то дядька с палкой. Мне говорят: вот это он, последний из москалей. Я подхожу, кланяюсь, все-таки капитан гвардейской артиллерии, произношу вежливые слова, дескать, очень рад знакомству, рад вас видеть, у меня к вам давно наболелший вопрос. Скажите, пожалуйста, кто написал "Дневник Вырубовой"? Он отвечает: "Как кто? Аленка с Пашкой. Сволочи, выпить надо было..." Я продолжал допытываться: "Как же вы, зная об этом, напечатали?" Сказал: "Время было такое". Он писал, литературу не бросал. Крепкий был мужик. Он уже умер.

В. ГУЗАНОВ. Кстати, написал, на мой взгляд, неплохой исторический роман об адмирале Василии Михайловиче Головине "Шелестят паруса кораблей".

О. КОМОВ. Сколько же он просидел?

В. ПИКУЛЬ. Ну вот считайте: 33-й и 52-й.

В. ГУЗАНОВ. Девятнадцать лет.

В. ПИКУЛЬ. Был у меня еще один приятель — барон Бухгольц, сын председателя дворянства. Тот тоже просидел с тридцатых годов... Но он был не артиллеристом, как Лебеденко, а военным врачом царской старой армии. Юрьевский университет окончил. Это тоже его счастье, что не в 37-м был посажен. Спасла, можно сказать, профессия врача. Он прошел по всем лагерям. Многие эзков знал, включая и писателя Шаламова, которого тоже проволочили по этапу...

Бухгольц был человеком необыкновенного бесстрашия, барон есть барон. Провожает он как-то нас из Дзинтари — там автобус идет на Ригу. Народу полно, лишь бы пробиться. И он как пошел эту советскую власть метелью. Я стою, смотрю на облака, плывущие над нами, а он все поддает. Народ спрашивает: что это? Он пропустил без очереди. Очень интересный барон. В пьесе Максима Горького "На дне" выведен барон. Я все время думаю: Бухгольц. Он как-то пришел ко мне, очень деликатно — все-таки барон — показываю ему фотографию. "Вот скажите, пожалуйста, — говорю, — в какой степени родства вы состоите? Вот этот босяк действительно спился..." Он взял снимок, долго-долго смотрел, такая внутренняя борьба на морде написана. Сказать — не сказать. Бросил: "В роду у нас таких не было". Узнал, конечно, узнал родственника. Как-то пошел с ним в кирху. Плиты, плиты... На них — барон Бухгольц, баронесса Бухгольц, барон Бухгольц... Один из этого рода шибко прославился. Это при Петре Первом. Был полковник Бухгольц, которого государь послал на Алтай искать золото.

В. ГУЗАНОВ. Извини, Валя, ты о каком Бухгольце говоришь? Об Иване Дмитриевиче, который в чине подполковника побывал с преобразованиями в Сибири и основал крепость Омск? Или о другом?

В. ПИКУЛЬ. О нем, конечно.

В. ГУЗАНОВ. В моей китайско-японской картотеке он тоже значится. После смерти Петра Первого его направили в Китай для поддержания торговли, по своей инициативе он затеял переговоры о границе по Амуру. Личность, я тебе скажу, забутая нашими историками-китаеведами.

В. ПИКУЛЬ. Эх, брат, разве только об одном? У нас, россиян, столько великих людей тьматмущая, если я начну перечислять...

публикуется впервые

О. КОМОВ. Вы не против, если я прямо быка за рога? Я приехал в Дом творчества, поближе к Риге. Я рассуждаю логически: может быть, мы можем общаться на отдыхе? Это я делаю с прицелом. У меня предвидится выставка передвижная... На будущий год я хочу, чтобы она поехала по России.

В. ПИКУЛЬ. А по каким городам?

О. КОМОВ. В Горьком у меня уже была большая выставка.

В. ПИКУЛЬ. Вы, наверное, Диму Арсенина знаете?

О. КОМОВ. Знаю, я много раз у него был.

В. ПИКУЛЬ. Дима Арсенин — человек очень интересный.

Из наших соловецких юнг, служил в войну на эсминце "Громкий". Короче, парень — фронтовик. Но сейчас немножко сник. Даже скис. Это, видимо, после инфаркта. И потом, думается, другие художники пришли к власти, другая компания...

О. КОМОВ. У художников, как и у писателей, — чья группа взяла власть, та и держит верх.

В. ПИКУЛЬ. Почему я не люблю писательское общество? Меня радует, когда получаю книги, альбомы или, скажем, гравюры, присланные поклонниками. Хочется привлечь внимание собеседника, а он смотрит на альбом "Современная японская живопись", извините, как баран на новые ворота, и начинает рассказывать, как он съездил во Францию, а теперь вот поедет в Германию... Хорошо, простим ему это. Писатель или художник непременно должен быть путешественником, но ведь затеют разговор, кто с кем живет, кто с кем переспал. Или, скажем, сколько сегодня за печатный лист платят. А дальше что? На этом весь интерес. Наверное, и у вас так?

О. КОМОВ. Прискорбно, но так. Мы создали творческие союзы, казалось, для консолидации сил, а по сути многие художники представлены сами себе. К сожалению, все это дорого дается. Будни у нашего брата складываются не только из одного труда, когда художник ежедневно, ежеминутно открывает мир, мир своих переживаний, своей мечты... Много времени уходит на схватку с титулярными советниками от искусства, партаппаратчиками от культуры... У меня не было, пожалуй, случая, чтобы мне, как говорится, не вставляли палки в колеса. В Горьком, например, когда я работал над памятником Кузмы Минина...

В. ПИКУЛЬ. Я не знал, что это ваша работа.

О. КОМОВ. В Калинин, на оборот, отнеслись с пониманием. Единственное, что помогло: там секретарь обкома по идеологии был мудрый мужик, и он организовал Пушкинское кольцо в Калининской области. Это — Берново, Старица, Малининки... Звали его Виктор Ильич Смирнов. Бываю иногда в обхомах секретари-мененаты. Правда, они вкладывают в дело не деньги, которых у них нет, а душу, безграничный энтузиазм. Смирнов поверил в меня, собственно, и поручил это сделать. И он как-то очень волево продвинул известные сегодня Пушкинские праздники. В других областях такого секретари-менената редко встретишь. Равнодушие, вялость. Местные власти на левяноство процентов малограмотные.

В. ПИКУЛЬ. Это вы мне не рассказывайте. Даже редакторы — безграмотные люди.

О. КОМОВ. Вот история с памятником Венецианову в Вышнем Волочке. Я звоню секретарю горкома... Как его звали? Запомню. Кажется, Иван Иванович. Я ему говорю: "Иван Иванович, скоро фундамент под памятник начнете копать?" Скульптору и этим приходится заниматься. Повторю вопрос и добавляю: "Скоро юбилей". Он отвечает: "Ну что ты ко мне пристал? Мне морковку славать надо, а ты со своим Вене-

циановым!" Оказывается, у них арвал городского масштаба: морковь убирают...

В. ПИКУЛЬ. Я думаю, вы на верном пути. Ваши памятники: Репин и Салтыков-Щедрин, Суворов и Чайковский, Рублев и Пушкин сегодня нам нужны, как никогда раньше... Если мы еще не забыли о своих корнях, если мы всерьез думаем о духовном возрождении России, без наших великих предков нам не обойтись.

В. ГУЗАНОВ. Увы, не все это понимают. Особенно "новая" пресса. Не понимают, что за нами, россиянами, — тысячелетия.

на волю из тюрьмы, на льные хлеба. В тюрьме сидели только такие, которых приковали к тачке. Их нельзя было выпустить на улицу — сразу убьют, ограбят... Выставляли за тюремные ворота людей, попавших на Сахалин по дружбе своей или по судебной ошибке, выставляли — гуляй, парень, живи, как хочешь, нас не касаются. К тому же давали паек. Время от времени бедолага навещался в тюрьму повидать друзей и, конечно, за пайком. А когда у каторжан, которые успели обзавестись семьей, рождался ребенок, то на ребенка тоже полагали паек. Из таких

Крымской войны. Нападение и на Балтику было, и на Камчатку было, и на Соловки... Приличная перестрелка. Монахи из пушек времен Малюты Скуратова благополучно отстрелялись, отбились от супостата. Англичане оставили как память ядра, застрявшие в кремлевской стене. Я видел и шупал эти ядра. Руководил обороной Соловков внебрачный сын Аракчеева. Хулиган, пьяница. Но толковый офицер, артиллерист. Он монахов так подковал, что они дали англичанам героический отпор.

В. ГУЗАНОВ. Ты забыл, Валя, сказать, что монастырем ко-

могу. Ему бы в пору стать меценатом. Ну, как раньше, в старину бывало. Не стал... Ни один из правителей на свои кровные не создал коллекцию. Государь Александр Третий детей своих держал буквально чуть ли не впроголодь. На штаны им заплатки ставились, на сапоги — лапки, собрал Русский музей. А что наши "вожди" собрали? Только расхищали.

О. КОМОВ. Все уплывало за границу. Подарки из "Третьяковки", сувениры из Алмазного фонда...

В. ПИКУЛЬ. Презенты из Эрмитажа. Один Хаммер, думаю, вывез немало.

О. КОМОВ. Когда Виталий мне сказал, что встреча с вами состоится, я перечитал "Пером и шпагой". Это просто прекрасная вещь. Мне нравится, что вы ХУШ век хорошо знаете. Смело дайте персонажам характеристики. Я не мог предположить, что Фридрих Великий — умный мужик и с юмором.

В. ПИКУЛЬ. Меня долго не печатали именно на этом основании, что Фридрих у меня умика. Подсказывали: надо дурака изображать. Понимаете — дурака.

О. КОМОВ. Такого в энциклопедии не прочтешь. Фридрих — убедительный образ.

В. ПИКУЛЬ. В энциклопедии, конечно, нет. Там людям сразу ярлыки вешают, и никак их не содрать. Повинен в этом Отто Юльевич Шмидт. Он издавал первую Советскую Энциклопедию. Чичерин, нарком, прибежал к нему с палкой: "Что ты делаешь? Для чего ты здесь посажен? Для чего ты ярлыки вешаешь? Бери пример с Британской Энциклопедии..." Чтобы понять суть — посюно. В

гилку, но ее выследили. Солдаты и питерские пролетарии вытащили труп, отвезли на Поклонную гору, везли через весь город с помпой, а потом торжественно сожгли на месте дачи Бадмаева.

О. КОМОВ. А дачу сожгли они же?

В. ПИКУЛЬ. Они, черти. Только почему сожгли — непонятно. С самим Бадмаевым вышло все благополучно. Его вместе с Анной Григорьевной Вырубовой посадили в вагон в Петрограде и отправили за границу, в Финляндию. Бадмаев был в сером балахоне и всю дорогу матерился. Матросы из охраны гогочут: матерится, значит, свой парень! А Вырубова, несчастная, сидела... сгорбившись, помалкивала. Приехали в Выборг, сменя охрану. Матросы спрашивали Бадмаева: "Кто такой?" За него отвечают питерские: "А это свой парень, матерится, как бодман. Давай его выпустим". И выпустили. "А это кто?" — показывают на Вырубову. "Вырубова — приближенная к царскому двору". "Ах ты, такая-сякая..." И начали ее по тюрьмам кидать... Потом она с одной ногой сумела перебежать границу. Удрала. Было это в двадцать втором году.

А с ней, знаете, что случилось? Это редкий случай. Она ехала с императрицей в Царское Село, и пол под ней провалился, ее тащило под вагоном. Это не придумаешь, как в сказке. Хирурги отрезали ей ступню. И вот она, Анюта-хромоножка, сумела перейти границу.

О. КОМОВ. До какого года жила Вырубова?

В. ПИКУЛЬ. Не могу точно сказать. У меня был белоэмигрантский дневник Вырубовой, не представлявший никакого интереса. Интересны только письма, где она жирными мазками рисует тюрьмы ЧК, в которых ей приходилось сидеть. Есть версия, что дневник Вырубовой, напечатанный у нас в 1928 году, — не ее авторство. Это работа Алексея Толстого и Павла Шеголева, пушкиниста. Это они напорщили. Таких дневников не было.

О. КОМОВ. Потрясающая история.

В. ПИКУЛЬ. В Ленинграде жил старейший писатель — капитан гвардейской артиллерии еще в первую мировую войну Александр Гервасевич Лебеденко. Я часто путал его отчество и называл Герасимович. Он написал роман "Тяжелый дивизион". Был редактором "Голоса

В. ПИКУЛЬ. Ну вот считайте: 33-й и 52-й.

В. ГУЗАНОВ. Девятнадцать лет.

В. ПИКУЛЬ. Был у меня еще один приятель — барон Бухгольц, сын председателя дворянства. Тот тоже просидел с тридцатых годов... Но он был не артиллеристом, как Лебеденко, а военным врачом царской старой армии. Юрьевский университет окончил. Это тоже его счастье, что не в 37-м был посажен. Спасла, можно сказать, профессия врача. Он прошел по всем лагерям. Многие эзков знал, включая и писателя Шаламова, которого тоже проволочили по этапу...

Бухгольц был человеком необыкновенного бесстрашия, барон есть барон. Провожает он как-то нас из Дзинтари — там автобус идет на Ригу. Народу полно, лишь бы пробиться. И он как пошел эту советскую власть метелью. Я стою, смотрю на облака, плывущие над нами, а он все поддает. Народ спрашивает: что это? Он пропустил без очереди. Очень интересный барон. В пьесе Максима Горького "На дне" выведен барон. Я все время думаю: Бухгольц. Он как-то пришел ко мне, очень деликатно — все-таки барон — показываю ему фотографию. "Вот скажите, пожалуйста, — говорю, — в какой степени родства вы состоите? Вот этот босяк действительно спился..." Он взял снимок, долго-долго смотрел, такая внутренняя борьба на морде написана. Сказать — не сказать. Бросил: "В роду у нас таких не было". Узнал, конечно, узнал родственника. Как-то пошел с ним в кирху. Плиты, плиты... На них — барон Бухгольц, баронесса Бухгольц, барон Бухгольц... Один из этого рода шибко прославился. Это при Петре Первом. Был полковник Бухгольц, которого государь послал на Алтай искать золото.

В. ГУЗАНОВ. Извини, Валя, ты о каком Бухгольце говоришь? Об Иване Дмитриевиче, который в чине подполковника побывал с преобразованиями в Сибири и основал крепость Омск? Или о другом?

В. ПИКУЛЬ. О нем, конечно.

В. ГУЗАНОВ. В моей китайско-японской картотеке он тоже значится. После смерти Петра Первого его направили в Китай для поддержания торговли, по своей инициативе он затеял переговоры о границе по Амуру. Личность, я тебе скажу, забутая нашими историками-китаеведами.

В. ПИКУЛЬ. Эх, брат, разве только об одном? У нас, россиян, столько великих людей тьматмущая, если я начну перечислять...

Валентин Пикуль: «В ИСТОРИИ ЕСТЬ ГОЛОС КРОВИ»

Виталий Гузанов — моряк, писатель, японовед — написал документальную книгу о Валентине Пикуле "Всем штормам назло". Вся жизнь, начиная со школы юнг на Соловецких островах, они были дружны, частенько бывал Виталий Григорьевич в Риге, у Валентина Саввича. И будто знал, что переживет друга: включал диктофон и записывал беседы.

Одну из глав (с некоторыми сокращениями) этой повести редакция и предлагает читателю.

На снимке: В. ПИКУЛЬ, 1945 год. Рисунок О. КОМОВА.

О. КОМОВ. Ты прав. Причем вы знаете, Валентин Саввич, чем интереснее работу сделаешь, тем жестче пресса обрушивается. Я еще ни одной работы не поставил, что бы все отнеслось с пониманием к замыслу художника. Похоже, что цель и задачи скульптора — это одно, а прессы — другое.

В. ГУЗАНОВ. Я помню, как один популярный актер, всеядный такой — он и телевизионный режиссер, и театр-декламатор — написал, что надо замечать памятники Пушкину в Болдине. Емю, видите ли, претит творчество Комова.

О. КОМОВ. У нас разный взгляд на нравственную и эстетическую культуру.

В. ПИКУЛЬ. Ругают — значит, заметили. У меня другое. Если сам чувствую, что мне удалась вещь, — полное замалчивание. Даже в журнале, писательской газете не найдешь строчки, где там-то напечатан роман... Это же за примером ходить не надо. Роман "Каторга" вышел в свет — и как в воду канул. Спасибо Виталию, что он впервые упомянул "Каторгу" в "Литературной России", но ведь он не профессиональный критик, он, как и я, прозаик. Правда, читатели-уголовники откликнулись. Пишут мне из тюрьм, сравнивают режиссу. Ты, мол, пишишь, что царская каторга — это дерьмо, приезжай к нам и посмотри. Однажды была телевизионная передача. Выступали женщины с Сахалина. Мне показалось, что это была обидчивая конференция о том, что жить негде, жрать нечего, детей воспитывать сил не хватает... Я послушал их и понял, что проблема на проблеме. Осужденный в прошлом, при царе, лучше жил на Сахалине, нежели наши свободолюбивые граждане сегодня. На острове было 48 тысяч всего населения в 1905 году, из них около 20 тысяч освобожденных. Но там были и переселенцы из разных губерний. После оккупации японцами остались все политические каторжане остались, другая публика перебежала к японцам на Хоккайдо, среди перебежчиков были, конечно, бандиты, которым все равно кого грабить — русских или японцев. Заговеватели от них звывали.

В. ГУЗАНОВ. Ты забыл сказать, что среди каторжан были патриоты России. Как только нависла гроза над Сахалином, многие записались в добровольные дружины. В Нагасаекском воинском некрополе я обнаружил семерых ополченцев с Сахалина, они умерли от ран, полученных при защите острова.

В. ПИКУЛЬ. Вчерашний каторжанин, записавшийся в дружину, — явление в порядке вещей. Посуди сам. Человеку давали, допустим, десять — пятнадцать лет. Его привезли на Сахалин. Казалось, царская каторга. Однако в задачу администрации входило как можно скорее выпустить осужденного

«вольных» и набиралась дружина. Когда наши эски прочитали мой роман, они взвыли, их почему-то никто не собираются вытаскивать из тюрьмы...

В. ГУЗАНОВ. Ни с пайком, ни без оного.

В. ПИКУЛЬ. Да-да. В 1905 году, после революции, цифра осужденных резко подскочила вверх. Тюрем стало не хватать. Осужденные записывались в очередь, чтобы отсидеть срок. Срок дали, скажем, шесть месяцев, а мест свободных нет, как в наших гостиницах и ресторанах. Очередь была такая, что некоторые по большому благу устранились в казенный дом, чтобы поскорее отсидеть. Нам кажется это анекдотом. Но факт был.

О. КОМОВ. С трудом представляю, чтобы в Бутырку очередь стояла: посадите, мол, меня...

В. ПИКУЛЬ. Мы с Виталием видели настоящую тюрьму. Учились на Соловках. И решетки выламывали в учебных классах, в каждой двери — глазок. Лагерь назывался СЛОН — Соловецкий лагерь особого назначения.

О. КОМОВ. У меня отец там погиб... в 39-м году. В 37-м посадили, а в 39-м не стало...

В. ГУЗАНОВ. В 39-м как раз лагерь эвакуировали.

В. ПИКУЛЬ. Учебный отряд Северного флота там организовали. Соловки — какой райский уголок! И надо же было придумать это.

О. КОМОВ. А что там за история была в прошлом, когда подошли к острову английские крейсеры? Он требовал от монахов сдачи, а они не сдались.

В. ПИКУЛЬ. Это очень давно было. В 1854 году. Времена

мандовал архимандрит Александр — человек просвещенный и энергичный. На Соловках до сих пор сохранились камни-плиты, на которых выбиты его изречения. Мне запомнилось одно: "Если же мы молитвою и верою отразим неприятеля и нам Господь поможет, то будет Богу хвала, обители же вечная слава, что без войска отразили супостата".

О. КОМОВ. Вот вы, Валентин Саввич, упомянули сына Аракчеева, а сам-то Аракчеев, что за личность? Я не уверен, что он был на все сто процентов плохой, как утверждают наши историки.

В. ПИКУЛЬ. Да упаси вас Бог так думать. Личность, безусловно, сложная, но не чета нашим "вождям"... У него было так заведено: на любую бумагу ответ через сутки. А к нему шли прошения со всей державы. Ответил на прошение отказом или положительно, но не более суток. Почему? Да потому что в молодости страдался от канцелярских крыс. Его муржили: завтра зайдя, через неделю загляни... Это еще не все. Он поднял русскую артиллерию на недосягаемую высоту. Сам блистательный артиллерист. Говорят, Наполеон, оббежая поля сражений, перелорачивал трупы убитых, удивлялся: поражены русской картечью. Об Алексее Андреевиче можно говорить как о реформаторе. Например, он принял меры к повышению образования офицеров и, как сегодня выражаются, упорядочил социальную защиту офицеров и их семей. Был и градостроителем. Его Грузино, подаренное Павлом Первым, можно сказать, шедевр как военное поселение. А собор? А село Медведь, что

Виталий Гузанов — моряк, писатель, японовед — написал документальную книгу о Валентине Пикуле "Всем штормам назло". Вся жизнь, начиная со школы юнг на Соловецких островах, они были дружны, частенько бывал Виталий Григорьевич в Риге, у Валентина Саввича. И будто знал, что переживет друга: включал диктофон и записывал беседы.

Одну из глав (с некоторыми сокращениями) этой повести редакция и предлагает читателю.

На снимке: В. ПИКУЛЬ, 1945 год. Рисунок О. КОМОВА.

В. ПИКУЛЬ. Не могу точно сказать. У меня был белоэмигрантский дневник Вырубовой, не представлявший никакого интереса. Интересны только письма, где она жирными мазками рисует тюрьмы ЧК, в которых ей приходилось сидеть. Есть версия, что дневник Вырубовой, напечатанный у нас в 1928 году, — не ее авторство. Это работа Алексея Толстого и Павла Шеголева, пушкиниста. Это они напорщили. Таких дневников не было.

О. КОМОВ. Потрясающая история.

В. ПИКУЛЬ. В Ленинграде жил старейший писатель — капитан гвардейской артиллерии еще в первую мировую войну Александр Гервасевич Лебеденко. Я часто путал его отчество и называл Герасимович. Он написал роман "Тяжелый дивизион". Был редактором "Голоса

В. ПИКУЛЬ. Ну вот считайте: 33-й и 52-й.

В. ГУЗАНОВ. Девятнадцать лет.

В. ПИКУЛЬ. Был у меня еще один приятель — барон Бухгольц, сын председателя дворянства. Тот тоже просидел с тридцатых годов... Но он был не артиллеристом, как Лебеденко, а военным врачом царской старой армии. Юрьевский университет окончил. Это тоже его счастье, что не в 37-м был посажен. Спасла, можно сказать, профессия врача. Он прошел по всем лагерям. Многие эзков знал, включая и писателя Шаламова, которого тоже проволочили по этапу...

Бухгольц был человеком необыкновенного бесстрашия, барон есть барон. Провожает он как-то нас из Дзинтари — там автобус идет на Ригу. Народу полно, лишь бы пробиться. И он как пошел эту советскую власть метелью. Я стою, смотрю на облака, плывущие над нами, а он все поддает. Народ спрашивает: что это? Он пропустил без очереди. Очень интересный барон. В пьесе Максима Горького "На дне" выведен барон. Я все время думаю: Бухгольц. Он как-то пришел ко мне, очень деликатно — все-таки барон — показываю ему фотографию. "Вот скажите, пожалуйста, — говорю, — в какой степени родства вы состоите? Вот этот босяк действительно спился..." Он взял снимок, долго-долго смотрел, такая внутренняя борьба на морде написана. Сказать — не сказать. Бросил: "В роду у нас таких не было". Узнал, конечно, узнал родственника. Как-то пошел с ним в кирху. Плиты, плиты... На них — барон Бухгольц, баронесса Бухгольц, барон Бухгольц... Один из этого рода шибко прославился. Это при Петре Первом. Был полковник Бухгольц, которого государь послал на Алтай искать золото.

В. ГУЗАНОВ. Извини, Валя, ты о каком Бухгольце говоришь? Об Иване Дмитриевиче, который в чине подполковника побывал с преобразованиями в Сибири и основал крепость Омск? Или о другом?

В. ПИКУЛЬ. О нем, конечно.

В. ГУЗАНОВ. В моей китайско-японской картотеке он тоже значится. После смерти Петра Первого его направили в Китай для поддержания торговли, по своей инициативе он затеял переговоры о границе по Амуру. Личность, я тебе скажу, забутая нашими историками-китаеведами.

В. ПИКУЛЬ. Эх, брат, разве только об одном? У нас, россиян, столько великих людей тьматмущая, если я начну перечислять...

На этой неоконченной фразе диктофон щелкнул — остановка. Больше у меня кассет не было, пришлось запись прервать. Помню, что в конце беседы Валентин Саввич сказал Олегу Комову, что, коль скоро вам пришлось по душе роман "Пером и шпагой", я прочтута то, что мне дорого в нем. Пикуль наша нужная странщина. "Изменилась идея, дружины стали люди, — звучал его удивительный голос. — Но родина у них по-прежнему одна — это мать-Россия; и во все времена кровь проливается во имя одного — во имя русского Отечества".

Эти слова были сказаны о русских воинах — защитниках наших. О наших прадедах и дедях.

Пикуль продолжал: "В истории есть голос крови. Этот голос нас ко многому обязывает. Не будем искать славы для себя".

2 августа 1988 года. Дзинтари.